

Солнце еще не поднялось над деревьями, но легкий ветерок уже пробежался по листве. Затренькали в прибрежных кустах проснувшиеся птицы. Вот проплыла, крякая во все горло, не стесняясь, утка. За ней, вытянувшись в шеренгу, спешил в тихую заводь выводок коричневых комочков. Заметив меня, утка что-то недовольно сказала на своем резком наречии, утята торопливо заработали лапками, стараясь быть поближе к ней.

Но вот солнце уверенно осветило деревья на противоположном берегу озера, птицы закричали громче, им подпевали своим нудным фальцетом надоедливые комары. Позади меня, в кустах, что-то зашуршало, завозилось, и на тропу выкатился небольшой детеныш выдры. Не ожидая встретить незнакомца на тропе, он на какое-то мгновение замер, а потом опрометью побежал по кустам вдоль озера. При этом продолжал недовольно ворчать, фыркать и, наконец, затих где-то в чаще прибрежных зарослей.

Лишь только утреннее солнце коснулось вершин деревьев, росших на берегу, поплавок моей удочки вздрогнул, медленно поплыл в сторону и лег на бок. Я резко подсек и почувствовал в глубине воды приятную тяжесть, медленно подвел карася к берегу и вытащил на прибрежную траву. В зелени осоки золотилось его толстое, почти круглое неповоротливое тело.

И тут же из-за кустов раздался плеск воды и повеяло табачным дымом. Не один я, оказывается, поднялся в предрассветную рань, чтобы

испытать рыбацкое счастье.

Поймав еще несколько мелких карасей, я заскучал. Поплавок моей удочки, как замороженный, стоял неподвижно. Солнце вышло из-за деревьев, повисло над озером. Легкий ветер погнал ряску, обрывки водяных елочек. Раннее утро подарило мне еще двух более-менее крупных карасей.

И вот солнце заиграло яркими бликами на глади озера, там, где не было ряски, и вода пошла мелкой рябью от легкого ветерка. Начиналась дневная июньская жара. А за кустами нет-нет да и заплещется на поверхности воды пойманная рыба. Часа через полтора этот заораживающий, да и чего греха таить, раздражающий плеск прекратился, и я услышал, что по тропинке, идущей по берегу озера, кто-то приближается.

Из-за высоких кустов тальника вышел крепкий, высокий мужчина и, улыбаясь, поздоровался со мной. В садке у него трепыхалось десятка два довольно увесистых карасей. Присев рядом на траву, он закурил, мы начали разговор. Конечно же, о рыбалке. И как это часто бывает, разговор душевный сразу перешел на дружеское «ты».

— Вижу, ты — городской, не знаешь всех наших рыбацких хитростей, а я тут в округе все озера облазил, знаю их как свои пять пальцев и по части карася нет мне равных в деревне. Нет, не хвалюсь, а говорю так, как есть на самом деле. Да ты и мужиков наших спроси, всякий скажет, мол, Николай Коротков — первый рыбак в округе.

Сам не знаю, то ли способности у меня к рыбалке какие-то особенные, то ли помогает мне Господь, но, в самом деле, в деревне я — самый уловистый. Хоть на реке, хоть на озере. Не было случая в моей жизни, чтобы домой возвращался без улова. Иногда сижу и думаю, уж не Божий ли это промысел? Не он ли меня избрал своим рыбаком. Ты не смейся, а ведь дело серьезное было когда-то, я и зарок дал после того случая. Хочешь, расскажу?

— А почему не послушать доброго человека? День разыгрался, клев закончился.

Слушая Николая, я заметил одну особенность в его манере разговаривать. Он все время улыбался. И надо сказать, его приветливая улыбка на красивом русском лице заораживала своей незамысловатой простотой, своей деревенской открытостью. Приятно было смотреть на его лицо, открытые для собеседника глаза, которые он не прятал, а при разговоре смотрел прямо, доверчиво. Человек не хитрил, не

пытался прихвастнуть, а просто рассказывал мне, только что встреченному, как старому знакомому.

— Служил я в начале восьмидесятых в Чехословакии. Служба как служба. Стрелок Советской армии. Остались, конечно, приятные воспоминания от заграницы — матрацы и подушки солдатских коек наполнены поролоном, деньги назывались кронами. Тратили мы их шикарно. В гарнизонном магазине были и яблоки, и виноград, и груши. А уж конфеты, которые там продавались, я увидел впервые в жизни.

Разные картины солдатской службы вспоминаются мне порой. Это и первый наряд вне очереди за распушенный ремень в строю. Пришлось мне полночи после отбоя драить полы и раковины в умывальнике. Это и дикие радости дембелей, когда они за полчаса до подъема гоняли по казарме пустое ведро с криками: «Мы сегодня едем домой!»

Но не о том хочу тебе рассказать. Через полгода службы попал я «молодым» в командировку. Охраняли мы какие-то склады в лесу. Через двое суток на третьи в карауле. «Молодым» самые «лучшие» часы — только ночью. Да и в дни отдыха не давали нам, «сапогам», спокойной жизни. Иди туда, принеси то, сделай это. Никто и не думал пикнуть, что полностью нарушается устав караульной службы. Поэтому и ждали мы с нетерпением следующего призыва. Чтобы стать полноправными «черпаками» и уже не быть на побегушках у «дедов».

Так вот, однажды так замотали, что перед караулом почти не спал две ночи, а в карауле опять — часы «молодых» или «салабонов». Сменили меня под утро, я и упал в караулке, как убитый, на топчан. Какие уж тут сны, они в армии, кстати, мне вообще не снились. Ночи короткие — не успел раздеться, упасть в койку и мгновенно уснуть, как тут же душераздирающий крик дневального: «Подъем!»

Так и после караула — только вроде уснул, но чувствую, что уже просыпаюсь от того, что трясут меня за плечи, и кричат: «Вставай, салага!» Раздирая глаза, я вскочил с топчана, совершенно не понимая, что происходит. Увидел перед собой начкара — старшего лейтенанта — и вытянулся по струнке.

— Где оружие, боец?

Я непонимающе тарачил на него глаза, не соображая, о чем это он?

— Где оружие твое, говорю, — автомат и штык-нож?

Оружия не было, это я сразу понял, лишь бросив взгляд на топчан, на котором спал, не раздеваясь, в сапогах. Когда ложился, снял с рем-

ня штык-нож и положил рядом с автоматом около себя, магазин в подсумке тоже пристроил рядом.

— Ну, ты у меня теперь загремишь по полной, салага!» — старший лейтенант кричал и брызгал слюной.

Рук, конечно, не распускал. Тогда офицеры еще не трогали солдат, отдавали на откуп сержантам да прапорщикам. Началось это позже, лет через десять после того, как я отслужил.

— Пошел с глаз моих. Если до вечера не найдешь, суши сухари!

Куда идти? Вышел я из комнаты отдыха в караулку и чувствую — здесь меня уже ждали.

— Ну, что, Коля,— спрашивают,— проспал оружие, не оправдал звание советского солдата?

Молчу. Потому что не знаю, что ответить, о чем попросить? Но сам нутром чувствую — неспроста это все! И рожи у них такие довольные, как будто ждут от меня чего-то.

— Ну, что, деньги есть?

И ты знаешь, после этого вопроса у меня в голове, как будто прояснилось. «Вот, думаю, мое спасение! Выпить им, козлам, захотелось. Подловили они меня, как мальчишку». Подумав об этом, я даже улыбнулся непроизвольно.

— Ты особенно не щерься,— говорит прапорщик,— так легко не отделаешься. У меня тут два патрона калибра 5,45 заваялись, сходим мы с тобой на охоту.

А надо тебе признаться, что лучше меня в роте никто не стрелял. Сам даже не пойму, откуда у меня такие способности в армии открылись. До службы я в руках ружья, а уж тем более винтовки, никогда не держал. А когда началась огневая подготовка, стал стрелять довольно прилично. Без хвастовства скажу — меньше «восьмерки» в моих мишенях не было.

Вот прапор и решил этим воспользоваться. Вокруг складов, которые мы охраняли,— сплошные леса, а дичь в них была совершенно непуганая. Сам видел, когда стоял в карауле — то косуля проскочит, а то и олень благородный мимо пробежит, они там живут, как в вольере зоопарка, никто их не трогает.

В общем, взял прапорщик автомат АК-74, и пошли мы с ним в сторону большой поляны, которая, словно поле, раскинулась примерно в километре от наших складов. Зарядил он одним патроном автомат и подает

мне. Залегли мы в зарослях орешника на краю поляны. Утро уже было, часов семь. Поляна освещена солнцем, просматривается на всю ширину, птицы вовсю поют, кричат и щебечут. И вот видим — выходят! Ты понимаешь, эту картину не забуду до конца своей жизни. До того красиво и величественно они шли. Мне даже трудно словами описать это шествие. Впереди шел благородный олень с высоко поднятой головой, на которой он нес свое величие — ветвистые рога. А за ним шагали три самки. На поляне трава высокая, но очень хорошо они были видны. Стройные, изящные животные с широкой грудью, с живыми глазами. Спокойно идут, не подозревая ничего. Расстояние до них — метров семьдесят.

— Стреляй,— шепчет прапорщик.

— Не могу,— отвечаю,— руки дрожат.

— Стреляй, салага, куда мне теперь патроны? В небо палить? Стреляй, гад! Целься в самца! Бей в голову.

А солнце уже над деревьями поднялось, и хоть расстояние довольно приличное, но я вижу, как блестят глаза оленя. И смотрит он в мою сторону. И мне даже показалось прямо в мои глаза. Видно, что олень молодой, рога, хоть и ветвистые, но еще небольшие, да и ростом чуть побольше самок. Шерсть красновато-бурая, но немного с сероватым оттенком. В общем, залюбовался этой утренней восхитительной красотой.

— Стреляй! Чего засмотрелся, уйдут ведь!— шепчет со злобой и толкает меня в бок прапорщик.

Прицеливаюсь спокойно, как на стрельбище. Но не в лоб, а чуть пониже, в шею. Олень, ничего не подозревая, продолжает смотреть в нашу сторону. Выстрел! Только и заметил, как олень, откинув голову назад, взмахнул рогами и повалился. По спинам самок дрожь пробежала, они резко прыгнули в сторону леса и скрылись между деревьями.

Мы вскочили и бегом к оленю через поляну. Когда подбежали, и я взглянул на него, не поверишь, мне показалось, что он по-прежнему глядит в мои глаза. А в них немой вопрос «За что же ты меня?» Но какой там вопрос? Убит был наповал, просто глаза были открыты. Пуля вошла оленю в шею, а вышла через заднее бедро.

У меня слезы навернулись, дрожь пробилась, в голове замутилось... Не поверишь, но я даже заплакал. И сам где-то в глубине души, будто оправдываясь, шепчу: «Ну, не мог не стрелять, не мог...»

— Кончай сопли пускать, боец. Давай, бери за ноги и в кусты! Ладно, успокойся, это — наше мясо и больше ничего. Килограммов

сто пятьдесят будет живого, теперь уже мертвого, веса. На весь караул хватит на три дня.

Оттащили мы оленя в кусты, он, действительно, был не очень крупным. Прапорщик говорит:

— У нас есть время до караула, надо бы еще одного завалить. Подождем.

Те полчаса, которые мы с ним ждали в засаде, для меня показались такими тягучими и тяжелыми, как будто присутствовал я на похоронах родного человека. Но как ни просил в душе, чтобы не было больше оленей, видим, как выходят на поляну три молодых самца. Автомат у меня в руках.

— Стреляй!— чуть ли не кричит прапорщик и, как и в первый раз, толкает меня в бок с нетерпением.— Бей!

— Не буду, сам стреляй!— и отталкиваю от себя автомат.— Не хочу я!

Он ничего не сказал, выхватил у меня из рук автомат. Прицелился. Выстрелил. Вижу, что олень, который стоял ближе всех к нам, отскочил в сторону, прыгнул, но не упал, а бросился в лес. Остальные, не раздумывая, вдогонку за ним.

Ты не поверишь, но с тех пор не могу забыть открытые глаза того, убитого мною оленя. Они не отпускают меня. С этим и живу. Но именно после этого случая я сказал себе: «Никогда не буду охотиться и стрелять в живого зверя! Только рыбу буду ловить! Ведь в воде не видишь ее, да и она сама ведь на крючок идет». Сказал, как обет принял.

А вернувшись после армии в деревню, вдруг почувствовал — будто кто одарил меня способностями к рыбалке. Ведь когда я забрасываю удочку, то не могу заставить рыбу брать наживку, все происходит без моего участия. Хочет — берет, а не хочет — не берет. Но не было еще случая, чтобы я без рыбы домой возвращался. Даже в такие дни, когда ни у кого не клюет, обязательно, хоть немного, но поймаю. Мужики в деревне смеются: «Ты у нас, Николай, заговор знаешь, вот и ловится рыба только на твою удочку». А и то — правда, хоть на реку пойду, хоть на озеро, всегда с уловом домой возвращаюсь.

Мой собеседник улыбнулся, вытащил из своего садка пять самых крупных карасей, бросил их на траву.

— Возьми, с добрым сердцем отдаю, твой улов-то нынче не очень богат.

Когда он уходил, я, глядя вслед, подумал, что случающиеся порой обстоятельства ставят нас в такие условия, что мы принимаем решения, изменяющие не только наши взгляды, но и сам образ жизни.